

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

ложным. Филолог должен уметь найти этот критерий в исторической обстановке, в которой создавалось данное произведение. Если он не сумеет этого, он не может быть назван настоящим филологом. Если я оцениваю Саади по Гюго, то ведь тогда я могу сделать и обратное: попытаться Гюго подогнать под Саади; почему одно сделать я в праве, другое же нет? Такая работа есть только, так сказать, известное самоуслаждение *pro domo sua*, для других она никакой обязанности иметь не будет. Не стоило затрачивать такой большой труд и чисто ученую добросовестность, чтобы притти к такому ничтожному результату. В заключение следует библиография Саади, составленная весьма тщательно, но избоблюющая пробелами.

В общем, впечатление от книги получается двойственное: с одной стороны видишь ученого в полном всеоружии аппарата современной восточной филологии, способного к детальным кропотливым исследованиям и удачно проводящего их, с другой — находишь много мелких неточностей, несогласных с основательным тоном всей работы. Становится непонятным, для кого предназначена эта книга; если для широких масс, то в ней слишком много лишнего научного балласта, делающего книгу для рядового читателя скучной; если для востоковеда, то почему, например, ссылки даются почти исключительно на переводы? Можно возразить, что помехой для ссылки на тексты было отсутствие критических изданий. Но цитируются чаще всего «Гулистан» и «Бустан», а и то, и другое имеется в прекрасных доступных любому ориенталисту изданиях.

Все же, несмотря на некоторые недостатки, приходится приветствовать появление этой книги. Ряд монографий, посвященных крупнейшим представителям персидской литературы, принадлежит уже давно к числу *ria desideria* всех иранистов. Без этого невозможно приступить ни к каким работам общего характера. Но пример Массэ лишним раз подтверждает и без того очевидный факт: монографии эти только тогда будут носить действительно научный характер, когда они будут основываться на критических изданиях. Отсутствие таковых — бич иранской филологии и помеха для правильного ее развития. Хотелось бы обязать всех иранистов издать хоть по одному тексту классического периода персидской литературы, чтобы в конце концов для нее было сделано то, что уже давно сделано для филологии классической. Лишь тогда мы сможем действительно говорить о научной постановке проблемы, лишь тогда сможем надеяться на быстрый и неуклонный прогресс в изучении Востока.

Е. Б.

— *Robert Gauthiot. Essai de Grammaire Sogdienne, avec préface de A. Meillet. Première partie — Phonétique; avec une planche et deux cartes. Paris. 1914 — 1923, Librairie Paul Geuthner (Mission Pelliot en Asie Centrale, série petit in octavo, tome I).*

Уже около 10 лет иранисты и лингвисты с нетерпением ожидали выхода в свет этой замечательной книги. Она была до сих пор известна лишь тесному кругу ученых, получивших в свое время от автора сброшюрованные листы ее — на правах рукописи. Книга печаталась в Лувене, и, после занятия его, во время войны, германцами, не могла уже быть издана самим автором, отделенным войною от типографии, в которой книга печаталась. В 1916 г. автор скончался от последствий контузии, полученной им на войне, и только благодаря стараниям близких друзей покойного удалось ныне ее выпустить. Хотя типография, в которой книга печаталась, сожжена, и таким образом погибла и рукопись, но, к счастью, в брошюрочной, находившейся в другой части города, не пострадавшей от пожара, сохранились отпечатанные листы книги, и ее удалось восстановить, за исключением последних шести страниц, которые пришлось уже издать анастатическим способом на основании одного из экземпляров, о которых речь была выше.

Настоящий выпуск — первая часть труда — представляет собою только фонетику согдийского языка; морфология, большую часть которой (спряжение глаголов) успел еще написать Готто, выйдет, как говорит в предисловии А. Мейе, в непродолжительном времени; недостающая часть морфологии (глава об имени) выйдет из-под пера молодого французского ираниста Бенвениста.

Книга состоит, кроме обстоятельного введения (XVIII страниц), из двух частей, из которых первая (22 страницы) посвящена изложению особенностей согдийского письма и мастерски расшифровывает звуковую состав языка, скрывающийся за алфавитом. Выдающийся лингвист Готто, делающий честь своей школе, отлично справился с этой задачей. Во второй части автор излагает фонетику; глава I-я — об ударении; II-я — о начале слов; III-я — о гласных; IV-я — о полугласных; V-я — о согласных; VI-я — о конце слов. К книге приложены две карты: Согдианы и Центральной Азии и таблица согдийского алфавита. Перу учителя Готто, А. Мейе, принадлежат предисловие и некоторое количество прибавлений и исправлений (3 стр.) впереди книги.

С выходом в свет согдийской грамматики Готто лингвистическая литература обогащается ценнейшим вкладом в науку. Воскресает новый язык и открывается широкое поле языковедных исследований. Памятники согдийского языка, о которых

сравнительно недавно еще существовали только косвенные свидетельства, открыты на рубеже этого столетия в Центральной Азии, занесенные туда выходцами из Согдианы. Учеными экспедициями согдийские рукописи добыты и доставлены в Европу. Часть текстов, хранящихся в Парижской Национальной Библиотеке, издана самим Готто, берлинские — Ф. В. К. Мюллером, а хранящиеся в Азиатском Музее в Петербурге фрагменты — Ф. А. Розенбергом. Открытие памятников согдийского языка и привлечение его к лингвистическим разысканиям в области иранских языков имеет чрезвычайно важное значение, так как с ним прибывает новое звено в столь мало еще разработанной северной, т. н. скифской ветви иранских языков, живыми представителями которой являются осетинский яз. и ягнобский диалект. И в этом направлении труд Готто, могущий служить покойному иранисту вечным «нерукотворным» памятником, сослужит великую службу, а друзья покойного, с его учителем А. Мейе во главе, озаботившиеся об издании книги, могут рассчитывать на благодарность читателей.

Огромное количество лексического материала, имеющегося в книге, могло бы дать ценный указатель слов; позволительно думать, что он будет приложен ко второй части книги.

А. Фрейман

— Die Aufgaben und Methoden der Sinologie. — Sprache und Schrift in China und Japan. — Zwei Vorlesungen gehalten vor der Philosophischen Fakultät der Ruprecht-Karls-Universität zu Heidelberg von D-r. F. E. A. Krause. Heidelberg, 1919.

Китаеведение, повидимому, начинает проникать в университеты в довольно значительной мере, хотя далеко не в той, какой оно заслуживает, как филология с классическим периодом литературы, обширным экзегетическим фондом автохтонных розысканий, и наконец с особым типом письменности, создающей ценности, не укладывающиеся в общелингвистические схемы. Германия, эта классическая страна университетов, давно уже откликнулась на этот зов со своих кафедр, представители которых в Берлине и Лейпциге (Габелэнд, Грубэ), а также их коллеги, избравшие при общенаучной деятельности для преподавания уклон практический (Франкэ, Форкэ), оказали науке синологии большие заслуги. Благодаря им, лучшая грамматика китайского языка, лучшая история китайской литературы, лучший очерк истории Китая, единственная история китайского искусства и многое прочее созданы на немецком языке. Тем не менее, синология наука не немецкая, и д-р Краузе, открывший в 1919 г. университетское преподавание китайского и япон-

ского языков в классическом Гейдельберге, это открыто признает, требуя от слушателей — несмотря на 1919-й год — абсолютного уважения к французской и английской синологии. Можно только приветствовать этот новый фазис синологии и выразить уверенность, что он разовьется в самое лучшее, на что способен немецкий гений и немецкая наука.

Две вступительные лекции нового китаиста-преподавателя, как и следовало ожидать, исходя из их заглавий, по интересу не одинаковы, и вторая более *ad usum scholarum*, чем для научной пропаганды, так что мы сосредоточимся пока на первой, хотя и не исключительно.

Первая его лекция доказывает, что университетский дух им владеет с достодолжной силой. Перспективы отчетливы, методы также. Он спешит оговориться сразу же, что академический студент и ученый не толмач, а научный работник; что ему чужды по духу и манере все эти китаисты, не знающие китайского языка, но, к сожалению, написавшие о Китае едва ли не больше, чем китаисты, так или иначе язык знавшие; что без знания китайского языка нет университетского знания языка японского и т. д.

С другой стороны, ему думается, что китаеведение, не выделившееся пока еще в частичную дисциплину, дает своему адепту большие шансы на универсальность, на расширение своей эрудиции далеко за пределы собственного Китая, ибо составные части этого политического целого, изучаемые отдельно, все же, отражаются и в синологии.

Полезно также начинающим ученым выслушать, что мы не должны мерить Китай на свою мерку, а применять к нему его же собственные нормы, не забывая, что в его глазах мы, европейцы, всего лишь люди вчерашнего дня. Важно сообщить им же с кафедр, что они будут изучать не абракадабру-шинуазри, а логическое и практически совершенное, — в своих целях, конечно, — письмо.

Очень интересно, что, преодолевая болезненно развивающийся немецкий шовинизм, Краузе принимает и советует другим принять во имя единой науки английскую транскрипцию Уэйда (Wade), в которой никаких, кроме распространенности, достоинств нет. Но всякая транскрипция условна, и Краузе прав, взывая к унификации.

Начиная свою деятельность в Гейдельберге при условиях, которые нельзя не признать тяжелыми (особенно, отсутствие библиотеки), лектор дает волю своим патристическим lamentациям, приводящим его к угрюмым, по твердым перспективам. Он предупреждает студентов, что занятия синологией в это тяжелое время стыда и боли, время потери идеалов и традиций, не хлебное дело (*Brotstudium*), ибо колониальный нет,